

Его взгляд был тих, словно в нём струился лунный свет, то ли отражая звёзды, то ли море. Он не произносил ни слова, лишь пристально, очень пристально смотрел на Гу Тина:

— Когда ты оборонял город, я возвращался.

— Да? — Гу Тин и вправду удивился. — Когда?

Однако, не дожидаясь ответа Хо Яня, сам сообразил: осад было всего две. В первый раз прислали Вэй Ле, так что Хо Яня определённо не было. Значит, во второй, когда на подмогу пришёл Мэн Цэ.

Но где же в тот момент был Хо Янь? Почему Гу Тин его не видел?

Хо Янь не отрывал взгляда, будто касаясь каждого сантиметра его лица, его бровей и глаз:

— Я страстно желал сдержать слово, но на границе всё ещё было опасно. Убедившись, что ты в безопасности, я ушёл, не обернувшись.

— Сколько ни говори о долге и доблести, я всё равно обманул твои ожидания.

Гу Тин сжал губы:

— Если всё это время не хотел говорить, почему сейчас решился?

— Боюсь, что потом возможности не будет. — Уголки губ Хо Яня дрогнули. — Кажется, ты сильно на меня сердисься.

Гу Тин сверкнул на него глазами:

— Даже теперь, когда ты сказал, я всё равно сержусь!

Хо Янь улыбнулся:

— Я не забывал тебя. Ни на миг. Гу Тин, твоя безопасность для меня чрезвычайно важна.

Поэтому умоляю: перестань упрямитесь, хорошо?

Слёзы брызнули из глаз Гу Тина:

— А ты знаешь, что твоя безопасность для меня тоже важна!

Поэтому умоляю, ради меня потерпи ещё немного, хорошо?

Они стояли друг против друга, оба непреклонные, оба упрямые.

Гу Тин стиснул зубы:

— Нет, твоя жизнь — в моей власти! Я не позволю тебе умереть, ты не смеешь умирать! Ты же только что поклялся слушаться меня, во всём!

В этот миг Гу Тин был особенно несговорчив, капризен и свиреп.

— Мяу!

В самый разгар их противостояния к ногам метнулся маленький зверёк — рысёнок.

Лунный свет, благородный и ясный, окутывал всё серебристым сиянием. Не присматриваясь, можно было принять малыша за обычного котёнка: кругломордый, круглоголовый, круглоглазый, пушистый, вызывающий нежность.

— Мя-ау!

Впервые он подошёл близко и потёрся о ногу Гу Тина.

Гу Тин теперь постоянно носил при себе немного кошачьего лакомства и угостил им зверька.

Малыш по-прежнему ел с дикой жадностью, охраняя добычу, словно тигр, готовый проглотить целый мир. Но на этот раз, насытившись, он не убежал, а задрал голову, уставился на Гу Тина, словно в ожидании чего-то.

Гу Тин осторожно протянул руку. Зверёк не отпрянул. В следующий миг ладонь легла на его круглую головку. Он был пушистым и тёплым, позволял себя гладить и почёсывать, а когда ему становилось особенно приятно, мурлыкал и мяукал, то ли ласкаясь, то ли подгоняя.

Гу Тин вдруг залился слезами:

— Видишь... Ты говорил, что он дикий, что не приручится, а он всё равно меня полюбил. Ты считаешь меня чужим, полагаешь, что я могу остаться в стороне от твоих дел, и даже если мне будет больно, через день-два всё пройдёт. Но я говорю тебе: не пройдёт. Вот если я сейчас, в такой момент, брошу этого рысёнка, он навсегда запомнит это чувство брошенности, навсегда утратит способность доверять людям, искать себе хозяина. Такое чувство... Неужели ты хочешь, чтобы и я его испытал?

Голос Хо Яня прозвучал сдавленно, будто он капитулировал:

— Я не твой хозяин.

Гу Тин взглянул на него:

— Кем же ты хочешь быть для меня?

Хо Янь умолк.

Гу Тин настаивал:

— Ты не хочешь быть со мной связанным? Никак, даже самую малость?

Хо Янь медленно закрыл глаза.

Как же не хотеть? Он чертовски хотел.

Он жаждал всегда видеть этого человека, всегда оберегать его, мечтал сломать для него ветку цветущей сливы, отыскать несчётное множество жемчужин и тыкв-горлянок. Котиков, собачек, рысей — кого угодно, лишь бы тому нравилось, он бы всех приютил. Он хотел... быть с этим человеком ближе, чем кто-либо на свете.

Хотел пройти с ним долгую-долгую дорогу, до самого конца жизни.

Но его собственная жизнь подходила к концу, а у того — впереди ещё долгий путь.

Ему претили слова «упокоиться в одной могиле». Если суждено умереть, он желал, чтобы Гу Тин жил счастливо, чтобы в грядущие годы тот всегда мог сиять улыбкой, быть беззаботным и свободным, наслаждаясь радостями мира. Такой человек, как он, и должен прожить жизнь без оглядки, поражая мир своим блеском, согревая его годы.

Но он не мог сказать этого.

Ничего не мог сказать.

— Не хочу.

Хо Янь спокойно смотрел на Гу Тина:

— Так позволь же мне побыть в покое.

Гу Тин в сердцах швырнул в него горстью земли:

— Хо Янь, ты негодяй! Бесстыдник! Хоть одно слово правды было в твоих устах?

Не увидь он тогда тот сандаловый ларец, он бы и вправду поверил!

— Мя-ау!

Рысёнок, уловив настроение Гу Тина, тут же встал на защиту: припал к земле, ошетинился и рывкнул на Хо Яня. Будь он взрослым, наверняка бы величаво возвышался, словно царь зверей, но пока что он был всего лишь детёнышем, и его молочный писк не представлял никакой угрозы.

Двое малышей, один побольше, другой поменьше, с одинаковым негодованием в голосе, в одинаковых позах обвинителей, с одинаковым огнём в глазах.

С подобным зрелищем Хо Янь сталкивался впервые и на миг остолбенел.

Именно в этот момент к месту событий, следуя на звуки, подоспел отряд солдат:

— Ваше высочество! Господин Гу!

— Вот вы где!

— Скорее, ваше высочество здесь! Господин Гу нашёл его!

Хо Янь: ...

Гу Тин, с суровым лицом отдавая приказы солдатам, скомандовал:

— Вытащите Хо Яня отсюда!

Рысёнок поддержал:

— Мя-ау!

Вытаскивайте, вытаскивайте!

Солдаты, впервые наблюдая подобную сцену, остолбенели и замешкались.

Гу Тин топнул ногой:

— Чего встали? Действуйте!

Рысёнок подначивал:

— Мя-ау!

Действуйте, действуйте!

Солдаты опомнились и кинулись к яме.

Хо Янь:

— Посмотрю, кто посмеет!

Все замерли в нерешительности.

— Посмотрю, кто посмеет меня послушаться! — Гу Тин гневно фыркнул, проявляя ещё больше свирепости. — Я — наречённый супруг князя — Стража Севера, и сегодня здесь я главный! Вытаскивайте его!

Рысёнок яростно заскрёб землю:

— Мя-ау!

Непослушных всех съем! Съем!

Солдаты потупились, не смея встретиться взглядом с Хо Янем, и сообща вытащили его из ямы.

Хо Янь: ...

Гу Тин указал на крепкого командира отделения:

— Я его не донесу, понеси ты на спине.

Тот немедленно взвалил Хо Яня на плечи, и все быстрым шагом двинулись обратно.

Хо Янь не выдержал и взглянул на Гу Тина:

— Оденься как следует.

Гу Тин сверкнул на него глазами:

— Не твоё дело!

То, что человека нашли, было, конечно, хорошо, но особой радости никто не испытывал: пока не было противоядия, тревога не отступала. Молодые солдаты в отряде даже украдкой смахивали слёзы.

Именно в этот момент Гу Тин заметил голубя. Птица долго кружила в небе, а затем спустилась прямо к нему на руку.

— Гу-гу... гу-гу...

Это был почтовый голубь, напоминая о письме.

Гу Тин взглянул в сторону неба. Этот голубь... должно быть, прилетел из Цзююаня. Он ощутил лёгкую странность: хотя трупный яд и не передаётся между живыми существами, мелкие твари — тоже жизнь, и контакта лучше избегать. Все эти дни, поддерживая связь с Цзююанем, они с Мэн Чжэнем пользовались гонцами, временно отменив голубиную почту. К чему бы вдруг сейчас воспользоваться голубем?

Неужели это то, о чём он подумал?

Сердце его бешено заколотилось. Затаив дыхание, Гу Тин извлёк из бамбукового цилиндрика на лапке птицы записку и развернул.

Почерк принадлежал Мэн Чжэню:

«Противоядие наконец-то удалось изготовить! Прилагаю рецепт: шпанская мушка — 7 цяней, семена чаульмугры — 1 лян 5 цяней, белый нитрит ртути — 9 цяней... Хватает ли у вас ингредиентов? Если нет, не беда: Дун Чжунчэн уже погрузил несколько больших телег с лекарственным сырьём и выступил в путь одновременно с отправкой этого письма. Скоро будет!»

Гу Тин глубоко вздохнул, и глаза его тут же наполнились слезами. Тут же он воздел руку:

— Противоядие создано! Все будут спасены!

Хо Янь замер, в глазах его вспыхнул ярчайший свет.

Солдаты же, позабыв об уставной дисциплине, принялись бешено прыгать от радости!

Рысёнок, не понимая, в чём дело, тоже забегал вокруг ног Гу Тина, словно разделяя всеобщее ликование.

Гу Тин, не в силах справиться с восторгом, подбежал к Хо Яню:

— Ты скоро поправишься, понимаешь? Если бы ты тогда в самом деле себя закопал, это было бы верхом глупости! Чтобы такого никогда больше не повторилось, ясно?!

Взгляд Хо Яня смягчился:

— Ясно... Не бойся.

Гу Тин сверкнул на него глазами:

— Это я боюсь? Это ты боишься! Трусишка, даже рысёнок смелее тебя!

Рысёнок:

— Мя-ау!

<http://bllate.org/book/16279/1466393>